

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В XXI ВЕКЕ

МАССОВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НАЦИСТАМИ ЛИЦ С ОСОБЕННОСТЬЮ ПСИХИКИ В П. ОРЛОВКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ЛЕТОМ 1942 ГОДА

Бахтина А. В., А. С. Лихобабина, Бахтин В. В.

Воронежский государственный университет

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Научный руководитель – к.м.н., доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин Бахтин В. В.

Введение. В настоящее время темы военных преступлений, совершенных нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны, вызывает повышенный общественный и научный интерес. В Российской Федерации реализуется проект «Без срока давности», направленный на увековечивание памяти жертв среди гражданского населения. Нацисты и их пособники осуществляли массовый террор в отношении мирных жителей, одной из групп жертв, подлежащей уничтожению были лица с инвалидностью. Авторы изучили архивные документы архива, рассекреченные в рамках проекта, и смогли реконструировать события 14 июля 1942 года – дня массового расстрела пациентов психиатрической больницы п. Орловка.

Ключевые слова: война; память; нацизм; геноцид; жертвы лица с инвалидностью; лица, страдающие психическими расстройствами

Введение. Психиатрическая больница в поселке Орловка Гремяченского района (в настоящее время Хохольского район) Воронежской области оказалась в зоне оккупации 4 июля 1942 года, а через 10 дней нацисты приступили к уничтожению пациентов психиатрической больницы.

Целью работы является реконструкция событий трагического дня в истории психиатрической больницы в п. Орловка

Материалы и методы исследования. Единственным источником сведений, доступным на данный момент, являются акты Воронежской областной ЧГК. Ее материалы представлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Материалы двух архивов не дублируют друг друга: в ГАРФ отложились восемь протоколов опросов свидетелей, которые отсутствуют в ГАВО. Все опросы свидетелей датированы августом 1943 года, их провел уполномоченный Воронежской областной комиссии С. Г. Махаринский (полное имя в документах не раскрывается). Он опросил свидетелей из числа медицинского или технического персонала 16 и 17 августа 1943 года. Из всех этих свидетелей только один не был непосредственным очевидцем убийства пациентов в период оккупации Воронежской области. В ГАВО материалы в отношении преступлений в психиатрической больнице «Орловка» оформлены в отдельное дело – «Материалы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по психлечебнице „Орловке“ Гремяченского района Воронежской области», которое было начато 5 августа 1943 года. В деле представлены как показания свидетелей, так и сообщение Воронежской областной ЧГК о массовом убийстве советских граждан, находившихся на излечение в психлечебнице «Орловка», вырезка из воронежской областной газеты «Коммуна» «Беспощадно мстить немецким душегубам» за 1943 год, три акта Воронежской областной ЧГК 1943-1944 годов, машинописные копии объяснительных записок подозреваемых в совершении преступлений из числа советских, которые были взяты сотрудниками НКВД 17 августа 1943 года, а также 10 фотодокументов эксгумации захоронений в сентябре 1944 года. В рамках реализации федерального проекта «Без срока давности» акты и фотодокументы были частично опубликованы в томе по Воронежской области [1]. Эти источники легли в основу предпринятой реконструкции истории убийства пациентов «Орловки» в 1942 году.

Результаты исследования. Реконструкция событий 14 июля 1942 года.

08. 00. Врач Борис Карпов вызывает старшего медбрата Николая Маркова, который получает задание выкопать яму возле 2-го корпуса (мужской павильон для «беспокойных»). Последний берет 10 пациентов психиатрической больницы, и они на расстоянии десяти метров от «загородки для буйных» выкапывают яму размером около семь метров длины, три метра ширины [2. Л. 116].

09. 00. В лечебных корпусах медицинский персонал начинает собирать пациентов якобы на «большую медицинскую комиссию» во 2-ой корпус. Свидетель Яков Сезин показал: «в 9 часов утра старшая сестра Бакунова [...] приказала одеть больных и привести их ко 2-му корпусу к загородке для буйных, там будет большая врачебная комиссия“, а лица, которые не могут ходить, нести на носилках» [2. Л. 118 об.].

09. 10. Ко второму корпусу приезжают нацисты. Аптекарь Владимир Ергольский уточнил, что «между аптекой и 2-м корпусом остановилась легковая машина, из которой вышел офицер и с ним два солдата, как видно жандармы» [3. Л. 36].

09. 35. Медицинский персонал приводит пациентов ко второму корпусу из других корпусов. Свидетель Полина Бакунова: «больных в количестве 43 чел[овек] доставила в загородку для буйных и сдала их доктору Карлашову» [2. Л. 126]. Яков Сезин показал: «Я собрал с 1-го корпуса 45 чел[овек] больных ... и сдал их немецкому офицеру, стоявшему в воротах загородки» [2. Л. 118 об]. Старшая медицинская сестра Анастасия Лебедева свидетельствовала: «у меня взяли 18 чел[овек], из них 9 ч[еловек] больных и 9 раненых бойцов Красной армии и на носилках отнесли в загородку для буйных» [2. Л. 120-121 об].

10. 00. Начался массовый расстрел пациентов. Свидетель Николай Марков рассказывал: «Всех душевнобольных согнали как скот в загородку для буйных, находящейся около 2-го корпуса. Из этой загородки немцы заставили водить больных к воронкам, образовавшимся от разрыва авиабомб, где расстреливали их» [2. Л. 115-115 об]. Санитарка Надежда Федорова рассказала: «Некоторые больные, не желая погибнуть от рук немецких палачей, сами кончали с собой. Так, две женщины, фамилии которых установить не удалось, разбились о столб» [3. Л. 16].

12. 00. Акция по убийству пациентов больницы продолжилась одиночными расстрелами. Свидетель Яков Сезин вспоминал: «во время закапывания трупов, немцы взяли из моих рабочих 2-х больных и тут же расстреляли» [2. Л. 111 об].

15. 00. Началось захоронение трупов. По словам свидетельницы Надежды Федоровой, «директор Ананьев выгнал нас, санитарок, и жителей психлечебницы «Орловка» зарывать трупы, которые мы зарыли в 2-х ямах около 100 трупов» [2. Л. 130].

18. 00. Убийство двух женщин врачей-евреек. Свидетельница Надежда Федорова показала: «Немцы и врач Спицын Кондрат Кондратович вывели по направлению сада врача Груздь, которую возле сада расстреляли. Я видела, как они ее вели и, где немец два раза выстрелил в затылок врача Груздь, после чего она упала» [2. Л. 130 об]. Свидетель Полина Бакунова: «врач Резникова шла с ребенком по направлению к огородам и водокачки, за ней следовал вооруженный пистолетом немец и директор психлечебницы Ананьев. Около воронки, образовавшейся от бомбы, Резникова остановилась, положила ребенка на землю, потом я видела, что она повернулась спиной к немцу к Ананьеву и в это время я услышала два выстрела и Резникова упала» [2. Л. 126 об]. Свидетель медсестра Ольга Васильевна Зозулина вспоминала: «идет Елизавета Львовна с ребенком на руках. Рядом шел немец. Он ей что-то сказал. Резникова поцеловала ребенка и положила его на траву. Немец выстрелил в нее, она покачнулась, он выстрелил еще раз. Резникова упала. Затем немец выстрелил в ребенка» [3. Л. 17]. Два свидетеля указали, что директор Александр Ананьев присутствовал при убийстве врачей. На наш взгляд, это обстоятельство может служить подтверждением гипотезы, что именно он сообщил нацистам, что они еврейки.

По данным Воронежской областной ЧГК было расстреляно 700 «душевнобольных» [3. Л. 2]. Неполный пофамильный список расстрелянных пациентов психиатрической больницы приведен в акте Воронежской областной ЧГК от 5 августа 1943 года [3. Л. 9-15]. Анализ списка позволил сделать несколько выводов. Из 104 расстрелянных пациентов 34 человека поступили в психиатрическую больницу более 5 лет назад, в их числе указана женщина, поступившая на излечение 8 августа 1926 году, то есть она проходила лечение в больнице в течение 16 лет. Из 70 человек, поступивших на излечение в период с 1938 года, у трех имелись пометки «инвалид», а у двоих – «неизвестные», то есть имена этих людей не известны.

Можно предположить, что нацисты и их помощники отобрали «неполноценных» пациентов, имевших диагнозы шизофрения, эпилепсия, энцефалит, слабоумие, старческое слабоумие, а также парализованных людей, и тех, кто был не способен заниматься физическим трудом и находившейся на лечении более 5 лет [3]. Немецкий исследователь Геррит Хоэндорф высказал мысль, что в ходе уничтожительной войны против Советского Союза в более острой и несказанно жестокой форме продолжалась политика расового очищения, начатая с систематических убийств больных в ходе Акции Т-4 еще в 1939 году в Германском рейхе [3. С. 13]. Убийство пациентов психиатрических больниц мотивировалось в том числе и экономическими причинами. Согласно нацистской идеологии, «принудительная эвтаназия» избавляла общество от бесполезных едоков, потребляющих ресурсы, необходимые для Третьего рейха в целом, и для вермахта в частности. Массовые убийства позволяли не растрчивать продовольственные ресурсы на «лишних едоков», решая тем самым «дополнительные проблемы» оккупационной администрации. Это также позволяло освобождать помещения под нужды нацистов. Кроме того, пациенты лечебных учреждений, по мнению нацистов, могли являться источником различных инфекций, то есть несли дополнительную смертельную опасность [6].

Расстрел больных психиатрической больницы «Орловка» не был тотальный. Из 1. 200 пациентов, находившихся на момент оккупации, во всех документах местной ЧГК и сохранившихся больничных отчетах указано 700 расстрелянных пациентов. При этом детально можно восстановить события только 14 июля 1942 года.

Заключение.

Память об убитых пациентах на территории психиатрической больницы «Орловка» визуализирована. По инициативе сотрудников учреждения к очередному юбилею Победы (старожилы в устных свидетельствах называют дату открытия памятника 1975 год) был установлен памятник врачам и пациентам на территории больницы. По сведениям сотрудника больницы, проект памятника создал один из пациентов, фамилия которого не была названа. Памятник не стоит на государственном учете и поддерживается силами медицинских работников. Он сооружен в стороне от братской могилы пациентов и врачей, которая никак не отмечена [7. С. 167]. На памятнике установлена информационная табличка: «Памяти врачей и душевнобольных, павших от рук фашистских палачей в годы Великой Отечественной войны». С тыльной стороны памятника есть надпись: «Жертвам фашистского террора».

Несмотря на то, что захоронения жертв нацистов в поселке Орловка является в количественном соотношении самым массовым на территории области, оно не заняло важное место в региональной исторической памяти о трагедии гражданского населения. Старшее поколение еще имеет какие-то знания о расстреле пациентов, молодое поколение (за исключением жителей поселка) практически ничего о нем не знает. Трагедия, произошедшая на территории психиатрической больницы «Орловка», требует дальнейшего скрупулезного исследования.

Список литературы

11. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Воронежская область: Сборник документов. Под общ. ред. Е. П. Малышевой, Е. М. Цунаевой. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. С. 465-471, 497-504.
12. ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 22. Д. 496.
13. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 167/
14. Кранах М. Уничтожение психически больных в нацистской Германии в 1939-1945 гг. // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 3. С. 5-12.
15. Хоэндорф Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6. С. 9-13.
16. Латышева В. А. «Смерть из жалости» – преступная политика на территории оккупированной Гомельщины // 1943 год на Гомельщине: материалы международной научно-практической конференции. Под ред. А. М. Куксо. Гомель: БелГУТ, 2013. С. 107-115.
17. Бахтин В. «Больные у нас все негодные, поэтому и подлежат расстрелу»: история массового убийства пациентов психиатрической больницы «Орловка» // «Помни о нас..»: люди с инвалидностью - малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР: сборник статей / под ред. И. В. Ребровой. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2022. С. 143-167